

Орден Рыцарей Льва и Карл Олей — несостоявшийся король Крыма

Иностранная колонизация — яркая страница в истории Новороссийского края. В документах фонда новороссийского и бессарабского генерал-губернатора отложились самые разные документы об этих событиях: паспорта прибывавших в Россию немцев, греков, евреев, болгар, поляков, швейцарцев и представителей многих других наций; списки колонистов, проходивших таможенные посты; сведения о межевании земель и учреждений колоний, устройстве поселенцев, наследственные и опекунские дела, статистические сведения. Среди стандартного набора официальных бумаг об иностранных поселенцах имеются и такие, которые отражают жизнь колонистов в криминальном аспекте. Это ведомости о происшествиях (грабежах, убийствах, кражах, несчастных случаях, бродяжничестве), материалы по розыску бежавших из колоний лиц, судебные дела, в том числе и о преступлениях политического характера. Так, привлекает особое внимание дело за 1810 год "Об Олее — переводчике Конторы опекунства иностранных поселенцев и сообщниках его" (ГАОО, ф. 1 об. 221 1810 г., д. 2). Речь идет о явлении довольно необычном в колониальной среде начала XIX века — тайном интернациональном обществе под названием "Корпус Рыцарей Льва", созданном поляком Карлом Олеем в Екатеринославе.

25 января 1810 года екатеринославский гражданский губернатор К.С. Гладкий подал министру внутренних дел А.Б. Куракину представление следующего содержания: "... Карл Олей собирает шайку беспутных людей из русских и немцев, коих он обязывает присягою и подписками уйти с ним в Крым, а отголь пробраться к туркам; к сообществу его принадлежат находящиеся здесь шведской нации купеческого судна капитан и отставной аптекарь, машинный мастер колонист Бем и табачный фабрикант". Губернатор сделал распоряжение, "в один час в действие приведенное", и все, "до коих извет касался", были отысканы, арестованы и взяты под стражу. Обнаруженные в ходе обыска вещественные доказательства состояли в зашифрованном патенте на чин полкового генерала 4 класса на имя "рыцаря Якова Дзюбенка", трех азбук иероглифов (ключей к шифру), семи вылитых из свинца крестов-орденов и прошения Олея императору. В последнем "начальник Рыцарей Льва" просил об учреждении

корпуса из приказных чиновников, "кои по воспоследовании указа о заграждении производства в 8-й класс необучавшимся в науках, прийдя в уныние, желали из статской службы перейти в сей корпус и тем заменить недостаток своего учения".

Как показало следствие, Карл Егорович Олей был человеком предприимчивым, образованным, знавшим многие языки. Происходил из польских дворян, но имущества и крестьян не имел. В 12-летнем возрасте начал самостоятельную жизнь, поступив в 1803 году в Инженерный Шляхетский корпус курьером. В 1803 г. уволился и был определен в Шлиссельбургский земский суд канцеляристом, а через год переведен во временный Межевой департамент Сената регистратором. С 28 февраля 1805 года начал служить переводчиком в Екатеринославской Конторе опекунства, ведавшей устройством иностранных поселенцев в Новороссийском крае. Вскоре удостоился награды за исправное исполнение обязанностей и переведен в губернские секретари. Однако, при всем этом Карл Олей обладал взрывным характером и неуправляемыми эмоциями. Его наклонности к нарушению общепринятых норм поведения и даже разбою не раз брали верх над здравым смыслом. Так, только за два года, предшествующих его тайной деятельности, екатеринославская городская полиция завела на него 4 уголовных дела: в 1808 г. — "На неплатеж хозяину за квартирование денег", в 1809 г. — "Об учинении насильства переводчиком Олеем и Нечаевым девке купца Киселева" и "По прошению отставного солдата Бермотова о причиненной ему Олеем обиде боем", в 1810 г. — "По прошению колониста Фридриха Кершбаума о нападении на дом его переводчиком Олеем и двумя неизвестными человеками и о произведенном воровстве вещей". Все вышеперечисленные проступки были совершены им в состоянии сильного опьянения и сопровождалась ссорами и драками. Полиция отмечала также странную дружбу буйного дворянина с людьми "низкого происхождения", пристрастие к злачным местам, темную и нераскрытую историю смерти колбасного мастера Корновского, по всем признакам умершего после побоев Олея. Последнему удалось выпутаться из дела и уйти от уголовной ответственности благодаря жене убитого, которая дала, по всем признакам, ложные показания.

Вне всякого сомнения, Карл Егорович Олей предвидел монарший отказ в организации корпуса из недоучившихся чиновников, но никак не собирался мириться с положением "маленького человека". Собрав 44 человека разных сословий и наций, он принял решение выступить в военный поход зимой, когда реки замерзнут, и добраться до Крыма. По дороге он

рассчитывал добыть грабежом деньги и оружие, перейти к туркам, "употребить средства обратить Крым по-прежнему Турции и поделаться тут королем".

У новоявленного самозванца было много оснований надеяться на успех предприятия. Обстановка в крае была взрывоопасной, а многие помещичьи крестьяне "к новости и своевольству весьма склонными". Губернатор отмечал такой факт: "Когда учреждаемо было при Дунае Буджакское войско, то подсланные вербовщики в короткое время успели поколебать крестьян уездов Херсонского и Ольвиопольского так, что некоторые деревни совсем было поднялись с мест своих, вооружась кто чем мог, а многие ушли в бега...". Судя по показаниям "рыцарей", к предстоящему походу Олей готовился по-немецки тщательно: заказал в Кременчуге у немца-слесаря 150 пар пистолетов; отправил сообщников вербовать по уездам. Желавших набралось до 200 человек, а планировалось до 4000. Готовил также выправку поддельных паспортов от имени херсонского военного губернатора дюка Э. де Ришелье, снимая амальгамой печати с присылаемых в Контору герцога конвертов; составил текст клятвы на верность и раздал сподвижникам чины и титулы.

Один из найденных полицией и расшифрованных текстов был следующего содержания: "Мы, начальник Корпуса Рыцарей Льва, жалуюм достойного рыцаря нашего Якова Дзюбенка, по способности его, сего Корпуса полковым генералом 4-го класса, и его всем оным почитать надлежит. Октября 21 дня 1809 года. КАРЛ. Контросинировал Министр Кабинета Харченко". Новоявленный "генерал" Яков Дзюбенко также был из обедневших дворян. В обычной жизни служил губернским регистратором в Екатеринославской уголовной палате, но был исключен в августе 1809 г. за нерадение к должности и частые отлучки без разрешения начальства. Через месяц он познакомился с Олеем, который и открылся новому другу в тайных намерениях. Найдя, что от штатской службы нет никакой пользы, Карл решил создать корпус под именем Рыцарей Льва и известить об этом государя. В случае высочайшего согласия Корпус должен был соединиться с набирающимся в Крыму уланским полком и вступить в сражение с турками и взять Константинополь. За все это Олей ожидал достойной награды в виде герцогства из завоеванных земель и возведения в принцы. Друзья дали клятву друг другу сохранять строжайшую тайну до монаршего соизволения на этот план. Однако, приготовления к осуществлению предприятия были начаты и без императорского ведома. Из свинца ими сделаны были кресты наподобии кавалерских и

спрятаны в печи на квартире переводчика, вербовались люди, собирались деньги. Постепенно численность сторонников этой идеи росла, и Олей стал раздавать им чины. Служащий в Дворянской комиссии коллежский регистратор из дворян Комишанский был возведен в полковники, немец Гофман — в капитаны, Султанов и Дзюбенко — в генералы, бывшего губернского регистратора Екатеринославского правления Харченко назначили кабинет-секретарем. Сам Олей потребовал обращения к себе "Ваше Высокопревосходительство". Патенты на чины обещал выдать товарищам после того, как табачный мастер Бем сделает ему специальную машину для приготовления тонкой бумаги, а аптекарь Брезель достанет материалы для окраски бумаги в красный, синий и другие цвета. Да и сам Олей экспериментировал: из бакана, ценобри и вишневого клея он составлял смеси и весьма удачно красил бумагу в красный цвет, намереваясь изготавливать из нее 10-рублевые фальшивые ассигнации. Деньги нужны были для приобретения оружия.

Практикуясь в применении шифровки "иероглифами", Олей составил перечень слов, имевших для тайного общества ключевое значение. На первое место он поставил "молчание", далее шли "повиновение, согласие, безопасность, измена, наказание".

И как знать, что бы последовало далее, если б не донос колониста Кершбаума, обиженного и ограбленного Олеем в 1810 г. С делом ознакомился сам император, лично наградивший Кершбаума серебряной медалью и 500 рублями. Бывший переводчик предстал перед Палатой уголовного суда. Следствие длилось полгода. В открытии заговора были задействованы екатеринославский гражданский губернатор Гладкий, Главный судья опекунской конторы С. Контениус, губернский прокурор Нефедьев, городничий Павлов. Очные ставки, допросы и изучение всех деталей дела привели следователей к заключению о нарушении долга присяги на всеподданейшую верность и служение Его Императорскому Величеству. Олея квалифицировали как опасного и неисправимого преступника, забывшего страх божий и совесть и предпринявшего незаконную дерзость.

Изобличенный в злом умысле, он так и не признал себя виновным, а лишь действовавшим "в шутку, для забавы". 6 февраля 1811 г. был вынесен приговор: Карл Олей был лишен чинов, шляхетского достоинства и подлежал ссылке заклепанным в ручных и ножных кандалах "в тяжкие работы вечно в Нерчинск". Та же участь постигла Камишанского, Дзюбенко и Харченко с оговоркой задействовать их на более легких по срав-

нению с Олеем работая. Коллежского регистратора Якимашенко, подканцеляриста Шахова за содействие "начальнику Корпуса" в изготовлении фальшивых паспортов и ассигнаций отдали в солдаты и выслали в дальние сибирские полки. Отставной капитан дворянин Майборода состоял в тайном обществе недолго, однако мнение следователей о нем составилось как о человеке, который "вмешался в партию Олея за питьем вина" и был безнадежным к исправлению. За готовность обучить заговорщиков военному искусству его ожидала ссылка на жительство в Тобольскую губернию под присмотром губернского начальства. Аптекарь Гезель также был лишен личного дворянства и сослан на поселение в Сибирь. Туда же последовал колонист Бем "для страха и примера другим". Самые молодые заговорщики семинаристы Султанов, Кошевский и Шульженков за недонесение начальству и членство в обществе были исключены из духовного звания и записаны в солдаты на 25 лет с отбыванием службы при херсонском военном коменданте Ганжи.

Главного "рыцаря" Карла Олея перевезли в Санкт-Петербург и поместили в Шлиссельбургскую крепость. Дело заслушали в Сенате и приговор Екатеринославской палаты был подтвержден императором: "Быть по сему. АЛЕКСАНДР".

Семейная тетрадь

Фрагмент

Профессор Незведский — воспитатель сотен филологов в нашем городе. Но мало кто из них знал, что профессор написал ряд книг, которые остались у него в столе. Это дневник "Одесская тетрадь" — о годах оккупации — и "Семейная тетрадь", отрывок из которой мы предлагаем читателям.

***

Во мне течет столько кровей, сколько их может быть у коренного — четыре поколения по материнской линии — жителя южного приморского города.

Поляком и католиком был незнакомый мне прадед Антоний Незведский, с которого я веду исчисление предков. Женат был Антоний Незведский на украинке, и вот по этой прабабке я определил своею национальностью украинскую. Сын их, Василий Антонович — впоследствии многолетний ананьевский нотариус — был по законам того времени крещен в православной вере, что и определило его отход от польской национальности, где решающим был вероисповедный признак.

Так он оказался полуполяком, полуукраинцем. А затем женился на русской девушке Ольге Сиваевой, и их дети стали лишь на четверть своей крови поляками — в их жилах потекла наряду с польской украинская и русская кровь.

Хорошо помню, что отец мой определял свою национальность, когда такой пункт стал фигурировать в анкетах при Советской власти, как украинскую.

Теперь обратимся к материнской линии. Здесь окажется, пожалуй, еще больший национальный конгломерат. Дед по матери — Михаил Лазаревич Маркович — был черногорцем. Родители его, подобно многим, эмигрировали на берега Черноморья. Дед очень гордился своей принадлежностью к маленькому, но храброму черногорскому народу, и эта гордость была тем более примечательна, что воспитывался он в сиротском доме без родителей, которые умерли один за другим, когда он был еще очень мал. Он ездил потом в Черногорию, где как подданный этой страны получил национальный паспорт — огромный, как дипломы ремесленников старого времени.